

У САМОВАРА МЫ И НАША КЛАВА

Малоизвестные страницы из жизни Клавдии Шульженко

В этом доме Клавдия Ивановна никогда не была, но двухэтажный коттедж, где сегодня расположен ее музей, вырос в годы харьковской молодости великой артистки. А в том, слегка покосившемся от времени строении, где, собственно, она родилась и выросла, ютятся

несколько семей — как и 90 с лишним лет назад. Расселить их, чтобы сделать музей в тех старых стенах, возможно только теоретически. Хотя он и так уже создан, недавно стал муниципальным. Фактически подарен городу этот «очаг» одним человеком. О нем расскажу чуть позже.

Когда вы спросите меня...

Автор статьи, опубликованной в «Труде» 8 лет назад (23.XI.1988), Г. Скороходов написал так: «Писать Шульженко не любила. «Мое дело — петь», — считала она. Только однажды, уступив настойчивым просьбам друзей, села за воспоминания, но, исписав две-три страницы, отложила их и никогда больше к ним не возвращалась». А после этого авторского «захода» следовали впервые опубликованные автобиографические строки Шульженко. Ведь существуют и ее воспоминания, записанные со слов К. Шульженко и названные «Когда вы спросите меня». Несмотря на то, что первое издание вышло еще при жизни артистки и она несомненный автор этой книги, я бы не стал безоглядно рекомендовать сегодня эти воспоминания девушкам и юношам, «обдумывающим житье».

Подобно многим документам эпохи, книга Шульженко была тщательно отфильтрована. Прежде всего самой артисткой, хорошо знавшей, что можно писать, а что — нет. «Как-то так случилось, что я нечасто выступала за рубежом», — пишет Клавдия Ивановна. Просто была «невьездной», лишь получала письма от соотечественников из-за границы, которые слушали ее по радио. Хотя в издании 1985 года сохранились еще умильные строчки о том, как ее песням подпевал на Малой земле сам «дорогой Леонид Ильич». Но, видимо, подводил Клавдию Ивановну ее независимый характер. Как-то надерзила Фурцевой, когда та пыталась по телефону навязать ей репертуар. А много ли надо, чтобы узавить начальство надолго и всерьез?

Вообще отношения с властями у Шульженко всегда были натянутыми, но это отражения в книге «Когда вы спросите меня», разумеется, не нашло. Недавно «Труд» рассказал, как моссосветовские чиновники еще в 1957 году, когда она жила с семьей в комнате площадью 17 с половиной метров, отказали

ей в помощи из-за «недостатка свободных квартир у значительного числа граждан». Один из посетителей музея К. Шульженко (где и можно ознакомиться с отпиской из Моссовета) заметил, что в наши времена Ю. Лужков отгрохал бы для нее персональный особняк. Но так уж сложилось, что это сделал совсем недавно для увековечения памяти артистки харьковчанин Борис Агафонов.

Хранитель

Сегодня у Клавдии Ивановны объявилось в Харькове и сельском районе Бабаи, откуда родом семья Шульженко, столько родственников, сколько, кажется, и при жизни не было. А Борис Сергеевич Агафонов по документам всем им — седьмая вода на киселе. Тем не менее он оставался для Клавдии Ивановны в последние годы жизни одним из самых близких людей.

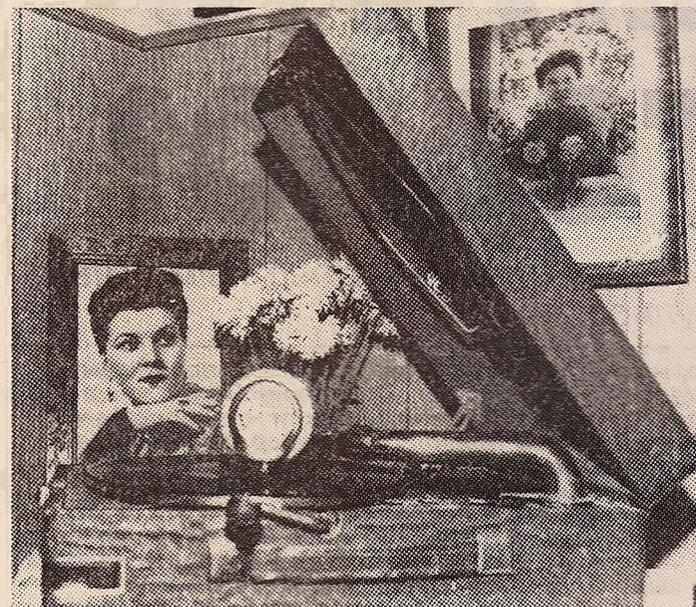
Когда-то, опередив время, занялся он предпринимательством, за что и бит был неоднократно. Его и из партии выгоняли, и работы лишали. Так что, лишившись к тому же болевой ноги и части желудка, измочаленного язвой, человек мог бы вполне озлобиться и на людей волком смотреть. Но вышло все как раз наоборот. И помогла обрести душевное равновесие именно Клавдия Ивановна и ее песни. Бывало совсем плохо на душе, и тогда он набирал чмоданчик гостинцев, садился в поезд и приезжал в Москву на улицу Усиевича, где в двухкомнатной уже к тому времени квартире всегда было полно гостей, хотя сам дом Шульженко никогда не был полной чашей. Жила она небогато (не про наших эстрадных звезд будь сказано). Когда на сберкнижке набиралось с тысячу рублей, тут же их снимала и тратила на первоочередное. В музее, собранном Агафоновым, две такие книжки: на одной в 1981 году остаток 16 рублей 30 копеек, на второй, закрытой в 1983 (за год до смерти Клавдии Ивановны), — рублей 10. Однажды к ней пробовал подкатиться один из тогдашних еще подпольных биз-

несменов. Придя в притворное изумление от такой бедности, предложил построить дом, нанять прислугу. Взамен просил только одно: после смерти Клавдии Ивановны дом должен был перейти ему по дарственной. Шульженко только головой гордо покачала: не забывайте, что я — народная артистка. На том все и кончилось. Но старинный серебряный сервиз с вензелями фельдмаршала Кутузова он все же выпросил и купил по умеренной для такой реликвии цене. На эти деньги, кстати, и хоронили народную артистку.

И опять, но теперь уже на поминки, вез Агафонов в Москву украинские колбасы, сальце, столь любимые Клавдией Ивановной и напомянувшие ей родные места. И опять, но теперь уже по печальной традиции, в доме Клавдии Ивановны было полно гостей. Сколько могла вместить отпущенная народной любимице жилплощадь.

Может быть, именно тогда Борису Агафонову и пришла в голову мысль, что в Харькове у Клавдии Ивановны тоже должен быть дом. И чтобы там можно было посидеть, поговорить и послушать ее песни, в общем, душу отвести. Как и в московском жилище, где хозяином остался сын Клавдии Ивановны Игорь Владимирович Кемпер-Шульженко, в кругу близких называемый просто Гоша.

Не сразу, но мечта о доме, где навечно бы поселилась Клавдия Ивановна, стала сбываться. Сначала Борис Сергеевич купил дом, где раньше жили в пролетарской тесноте рабочие близлежащих заводов, а позже находилась диспетчерская автотранспортного предприятия. Чтобы как-то оправдать покупку, на первом этаже устроил спортивно-оздоровительный центр, а на втором — начал потихоньку оборудовать комнатки под музей — гостиную со старым пианино и патефоном, но также и видеоманитионофонов, буфет, гримировочную комнату с настоящими костюмами от Зайцева и афишами. На этом же этаже в торце возле лестницы поселился сам — при-

смаживать за хозяйством. Игорь Владимирович — Гоша, прознав об этом добром деле, щедро поделился семейными реликвиями. А в один из визитов привез kota из расплодившихся любимцев матери и не возражал, когда Борис Сергеевич начал называть этого москвича тоже Гошей. Еще поселились в доме две беспородные смиренные собаки, и постепенно в нем стало уютно и по-домашнему тепло.

А когда по инициативе горисполкома в Харькове провели Международный фестиваль эстрадной песни имени К. Шульженко, самодетельный музей стал местом паломничества и предметом гордости всех, кто был и не был причастен к его созданию. Что же касается Агафопова, то он из-за кулис не высовывался и в президиум не лез. Он Клавдии Ивановне дом построил. Чего же еще?

Сколько заветных платочков

В последнее время Клавдию Шульженко радио и телевидение считают все больше «по фронтовому ведомству». С особым усердием крутят ее записи для ветеранов войны во время соответствующих праздников. Споры нет, ее «Синий платочек» действительно стал одним из самых дорогих и памятных символов военной поры. Не зря один из таких платочков хранится в Киевском музее Великой Отечественной. Второй стал реликвией в Санкт-Петербургском музее эстрады. Третий — здесь, в Харькове, рядом с фотографиями Шульженко на

фронте. Но разве нет в ее пении и артистизме притягательной силы, которая бы вывела Шульженко выше и дальше певца одной, пусть и значительной темы? Вопрос, конечно, риторический, но есть опасность, что вскоре имя Шульженко, как и других крупнейших артистов эстрады уходящего века, перестанет быть значительным для нового поколения. А ее песни с неповторимо исповедальной интонацией и внутренним, глубоко скрытым чувством, мелодичные и поэтические, превратятся в музейную реликвию. Об этом задумывались в стенах нового музея и Нани Брегадзе, и Евгения Мирошниченко, и Юрий Богатиков, и десятки других именитых артистов, приходивших на поклон к своей великой предшественнице в искусстве.

Попав на чай к Агафонову, оказался и я у самовара с конфетами и печеньем — угощение предлагают здесь всем посетителям. Молодые солдатики, которых привел еще помнящий живую Шульженко лейтенант, впервые видели и настоящий патефон, и саму артистку на видеокассете в день ее триумфа в Колонном зале Дома союзов двадцать лет назад — в год своего рождения, а ее — семидесятилетия. На коленях у Бориса Сергеевича дремал раздобревший на украинском сале Гоша. За столом в гостинице было тесновато, но места хватило всем, как это было и раньше в доме Клавдии Ивановны.

Александр ЧЕПАЛОВ.
Фото автора.

ХАРЬКОВ.